

А. Вейдеман

**Трагика как сущность
искусства, религии и истории**

дополнительная часть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

A11 **А. Вейдеман**
Трагика как сущность искусства, религии и истории: дополнительная часть /
А. Вейдеман – М.: Книга по Требованию, 2013. – 224 с.

ISBN 978-5-8850-1292-8

ISBN 978-5-8850-1292-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

факт: я воспринимаю зеленый цвет дуба. Если зеленость принадлежит самому дубу, дана в нем, на что нужна воспринимаемая мною его зеленость. Ненужность этого удвоения зелености (она и во мне, и в дубе) — ясна сама собой. Но если эта зеленость дана во мне, а не в оригинале, то как возможна проверка того, что она есть действительно копия зелености в дубе. Наконец, если она дана сразу и во мне и в дубе, то каким образом я мог бы установить их адекватность.

Далее наши чувства являются по самой природе своей чисто и исключительно субъективными. Сравнить свое восприятие с восприятием другого для меня в настоящем смысле слова — невозможно. Основанием этой невозможности является невыразимость чувства мыслью и словами. Если бы слепой от рождения могъ понять, что такое синий цвет, или глухонемой — что такое звук, органы наших внешних чувств совершенно потеряли бы все свое значение. В этом смысле особенно поучительной является одна маленькая басня Льва Толстого. Слепой спрашивает, что такое белый цвет. Когда ему отвечают, что белый — как молоко, он спрашивает: и такой же жидкий. — Нет, белый, как заяц. — Что же и такой же мягкий? — Нет, белый, как снег. — И такой же холодный? И т. д. Выразить ощущение, как элемент восприятия — понятием, словом — нельзя. Если бы слепой понял бы, что такое белый цвет — то он, eo ipso, сразу же и прозрел бы. В этом смысле все мы абсолютно замкнуты в своем духовном существе. Сравнение наших восприятий с восприятиями других является только условным и строго относительным. Но наши чувства не только субъективны. Они также и относительны. Именно каждый орган чувства имеет свои строго определенные границы. Возьмем напр. чувство зрения. И все, что меньше определенной величины, и все, что больше таковой лежит за его пределами. Правда при помощи микроскопа мы можем видеть и незримые для простого зрения бактерии и при помощи телескопа —

наблюдать недоступные невооруженному зрению звезды, но это усиление нашего зрения всегда само ограничено, а зримый мир — безграничен. Точно также являются ограниченными и все другие наши чувства. Слышать ниже определенного звука или выше такового, — мы не можем, воспринимать температуру ниже определенного градуса, или выше также. Природная одаренность, свежесть, здоровье, воспитание, навык — все это может усиливать их, но опять таки конечно только до определенных границ. И мир, даваемый нам нашими восприятиями, вследствие этой ограниченности наших органов чувств, не говоря уже о том, что и самих-то таковых органов чувств мы имеем всего лишь пять, является только ничтожною частицей реальных возможностей действительного мира. Наконец наши чувства нередко являются также и противоречивыми. Ибо свидетельство одного чувства может противоречить свидетельству другого. Так напр. палка, опущенная наполовину в воду, для зрения кажется переломленной. между тем как для осязания она остается целою.

Но может быть относительность чувств и еще в другом смысле. Напр. одна и та же температура может казаться одному и тому человеку, то холодною, то жаркою. Именно, входя с холодной улицы в предбанник, чувствуешь, что там очень жарко; входя же в тот же самый предбанник из самой бани, на против, чувствуешь что в нем холодно. Одно и тоже внешнее раздражение может восприниматься различно, в зависимости от того, на какой орган чувств оно действует. Так простой механический удар, действуя на зрительный нерв, вызывает ощущение света: искры сыплются из глаз — как говорит простой народ. Наконец дальтонист воспринимает красный и зеленый цвета как один и тот же цвет.

Все эти соображения, известные уже и древним, понемногу подрывают наивный взгляд на мир и требуют для создания науки и философии — углубления философского мировоззрения. На место теории наивного реализма понемногу становится теория воздей-

ствия. Восприятие, представление — для этой новой теории уже не являются как копии предмета, а как воздействие предмета через посредство нашего тела на наше сознание. Нашему сознанию дан уже не сам предмет, а только образ его. И свойства вещей являются здесь уже не как оригинал, а лишь как причины представления. Но теория воздействия все же еще не доходит до утверждения что познающий дух не может выйти за свои пределы для постижения вещей и что вещи сами не могут войти в сознание, словом, что познающий дух может овладевать только духовным миром: представлением, мыслью, образом. Теория воздействия — всецело реалистического характера. Логически или систематически первым типом теории воздействия является теория Локка.

3.

Дж. Локк в своем „Опыте о человеческом разуме“, книге 2-ой главе VIII говорит: „Необходимо различать идеи, поскольку они суть восприятия нашего духа, и поскольку они — видоизменение материи в телах, которые производят эти восприятия в нашем духе. В виду этого в телах надо различать два рода качеств: во-первых те, которые совершенно неотделимы от тела, в каком бы состоянии оно ни было, так что оно их сохраняет всегда какие бы видоизменения тело не испытывало. Эти качества тела, которые не могут быть отделены от него я называю качествами оригинальными или первичными, каковы: непроницаемость, протяженность, фигура, число, движение или покой, которые производят в нас простые идеи, как каждый может убедиться сам. Во-вторых существуют качества, которые в теле в действительности не что иное, как способность производить в нас различные ощущения посредством своих первичных качеств, т. е. посредством объема, фигуры, сочетания и движения его незаметных частиц. Таковы: цвета, звуки, вкусы и т. д. Этим качествам — я даю название вторичных. Легко, как мне кажется,

из этого вывести то заключение, что идеи первичных качеств тел похожи на эти качества и, что оригиналы этих идей существуют реально в телах, но что идеи, произведенные в нас вторичными качествами, не похожи на них ни в каком отношении, и что в телах нет ничего, что имело бы даже подобие с этими идеями.

Основанием этой гносеологической теории Джона Локка является учение Рене Декарта о материи. Самое же существо ее было достаточно ясно высказано еще в древности Левкиппом и Демокритом, основателями материализма. И в самом деле, в чем заключается сущность материализма? Для него свойства вещей делятся на два вида: свойства первичные и свойства вторичные. Первичными свойствами являются такие свойства, которые присущи самим вещам и без которых эти вещи не могут, как таковые, существовать. Вторичными же свойствами являются такие свойства, которые только нам кажутся принадлежащими вещам, но которые на самом деле этим вещам вовсе не принадлежат, а только являются результатом действия на наше тело — и через него на наше сознание первичных свойств вещей. Таким образом с точки зрения этой гносеологии все даты органов зрения, слуха, обоняния и вкуса — суть субъективны. Цвета, звуки, запахи и вкусы существуют не в предмете, а только в нас самих, в нашем сознании, являясь реакцией на внешние раздражения. Но если все краски, все звуки и все вкусы являются чисто субъективными свойствами, т. е. принадлежат сознанию, а не самим вещам и с этой точки зрения суть вторичные качества, то первичными свойствами, т. е. такими, которые принадлежат не сознанию, а самим вещам — должны быть только такие свойства, без которых предмет не может быть предметом. Предмет, вещь, внешний мир не может быть таковым, не может быть предметом, вещью, внешним миром — без свойств протяжения и упругости. И если даты всех органов чувств: зрения, слуха, вкуса и обоняния — субъективны, т. е. заключены в субъекте, в

сознании, а не в объекте, не в вещах, то даты осязательно моторных чувств — всецело объективны: они даны не в субъекте, не в сознании, а в самом объекте, в самих вещах. Отсюда вытекает объективная реальность существования бескачественной материи. Так возникает система материализма.

Мир природы дан нам во всем богатстве своего многообразия. Наука возникает лишь с того момента, когда мы начинаем видеть за множественностью явлений их единство, и за многообразием — единообразие. Но для того, чтобы это могло совершиться, должны мы признать, что чувства являются ложными свидетелями истины, и их даты могут быть лишь поводом для познания, а отнюдь — не его основанием. Ибо всякое познание начинается с опыта, как учит Кант, но вовсе не возникает из опыта. И началом науки является учение гилозоистов, гласящее, что истинной сущностью бытия является то, что сохраняется неизменным при всех своих изменениях, что никогда не возникает и никогда не уничтожается, но из чего все, при своем начале, возникает, и во что все обращается при своем уничтожении. Эту основу бытия гилозоисты называли первоначалом, *ἀρχή* Гилозоизм и является началом и элементарнейшей формой материализма. Для него бытие — материя, но материя живая, т. е. материя, еще не освобожденная от понятия жизни, т. е. мыслимая еще всецело антропоморфически. Необходимое усовершенствование понятия материи, требуемое самою сущностью науки, возникает только позднее. Понимание материи как мертвой, т. е. в смысле теории атомизма, систематически предполагает и обуславливается наличием двух великих философов: Элеатства и Гераклитизма. Элеаты выдвинули на первый план требование единства и замкнутости в себе мира, уча, что мироздание — есть *ἓν καὶ πᾶν* единое и целое. Но, говоря, что сущее — едино, элейцы отрицали *εἰς ἴσιν* всякую множественность и вместе с этой последней, и всякое движение. Отсюда знаменитые парадоксы Зенона Элейского. Ибо сущее — есть, а несущего нет. Напро

тив, Гераклит отверг неподвижность сущего, для него все — текуче: πάντα ῥεῖ — все течет. Однако всеобщее становление вещей Гераклита происходит в известных рамках: именно все течет, все изменяется, но самый принцип изменения остается абсолютно неизменным. И только именно поэтому могло учение Гераклита войти в синтез с теорией Элеатов. И этот синтез был действительно осуществлен Левкиппом и Демокритом. Материя в лице представителей материализма есть система атомов и является — вечною, неизменною, мертвою и бескачественною. Как сущее, она есть. Но, вопреки Элейцам, и несущее также есть. Это несущее есть пустота, пространство, в котором атомы образуют системы. Эти системы возникают и распадаются. Но атомы, как простые элементы этих систем, никогда не могут ни возникать, ни уничтожаться. Ибо *ex nihilo nihil fit, et in nihilum nil reverti pot. est* — из ничего ничего не возникает, и ничто не превращается в ничто. Таким образом здесь впервые наука формулирует свой первый основной закон, закон сохранения материи, сохранения силы, сохранения движения. Однако отсюда же вытекает и второй основной закон мироздания и науки: в мире ничего не происходит без причины, т. е. закон причинности, как принцип всеобщей закономерности явлений природы. Этот последний принцип в основании отрицает всякую абсолютную контингентность или случайность с одной стороны, и всякое трансцендентное вмешательство, как чудо — с другой. Отсюда видно, что материализм Левкиппа и Демокрита — абсолютно рационален. Он мыслит себе природу как систему математического или точного естествознания. И поэтому очевидно, что в основу его синтеза Элеатства и Гераклитизма включено также и Пифагорейство. Ибо Пифагор первый понял число, т. е. математику как закон природы. Материализм считает, что математическое естествознание есть краса и гордость науки, и потому строит все остальные науки по образцу математико естественных наук. В чем же заключается сущность математи-

ческого естествознания. В основе его построения лежат два главнейшие его принципа: 1) мертвая материя, лишенная всех качеств, и 2) строгая закономерность всех явлений. Итак вся сила, все значение, вся ценность материализма заключается в его требовании системы строгой механики. Здесь, действительно на лицо торжество науки, торжество разума.

Мы рассматривали материализм как систему строгой механичности, и видели в этой последней все значение, всю ценность, весь смысл материализма. И именно в связи с этою механичностью мы должны теперь устранить неправильное ее понимание. Именно Энгельс в своей книге „А. Фейербах“ на стр. 36 говорит: „Материализм XVIII века был преимущественно механическим, потому что из всех естественных наук к тому времени достигла известной законченности только механика твердых тел, земных и небесных, короче, механика тяжести. Химия была еще в детском состоянии. Биология была в пеленках. Растительный и животный организм был еще мало исследован. Его отправления объяснялись чисто механическими причинами. В глазах материалиста XVIII века человек был машиною, как животное в глазах Декарта. Исключительное приложение мерил, заимствованного у механики, — к химическим и органическим явлениям, т. е. к таким явлениям, в области которых механические законы, хотя и продолжают, конечно, действовать, но отступают на задний план перед другими, высшими законами — составляет первую специфическую, неизбежную тогда черту ограниченности классического французского материализма. Однако, если, как говорит Энгельс, область напр. химии является по сравнению с областью механики, областью более конкретной, более сложной, где законы механики, хотя и действуют, но все же должны отступать на задний план перед высшими законами, — здесь нужно понимать под механикой — механику в узком смысле слова. Но под механикою в философском смысле слова — надлежит понимать механику в широком смысле слова. Именно, в то время как ме

ханика в узком смысле слова противостоит химии, механика в широком смысле слова противостоит только органике. И понятие причинности в истинном смысле противостоит только целесообразности. Таким образом, хотя законы химии являются высшими по сравнению с законами механики, а законы органических явлений являются высшими по сравнению с законами химических явлений — все же так называемые „законы“ органических явлений, как-то „борьба за существование“, „естественный отбор“ и т. д. например, у Дарвина и многих других представителей естественного эволюционизма понимаются механически, вследствие принципиального отрицания ими самобытности принципа целесообразности и понимания самой целесообразности лишь как простого случайного следствия. Действующим принципом является здесь один лишь принцип причинности. И поэтому, не отрицая самобытности ни области химии, ни области органики материализм, даже оставаясь в скрытом состоянии, остается всегда с необходимостью механическим, но механическим уже не в узком, а в широком смысле слова.

Материализм древних понимал себя как атомизм. И атомами древние считали основные элементы бытия, различавшиеся друг от друга только в смысле веса и формы, т. е. только количественно, но отнюдь не качественно. Таким образом Демокрит преобразовал древнейший гилозоизм, освободив понятие материи от жизни: материя стала у него мертвою. Так была вся красочность мира, вся качественность его сведена Демокритом на одну лишь количественность. И только в этом одном вся ценность и все научное значение материализма. И тем не менее материализму не удалось окончательно освободиться от качественности. Именно материализм объявляет все чувственные качества — субъективными, все — кроме дат осязательно-моторного чувства. Но именно из этого-то органа чувств как раз и возникают все остальные органы чувств. Если все остальные чувства — субъективны, то и осязательно-моторное чувство (т. е. его даты) субъективно, если же даты осязательно-моторного чувства

— объективны, то и даты всех остальных чувств должны быть объективны. Но материализм Демокрита не усмотрел этой альтернативы. Необходимость для материализма освободиться от объективности дат осязательно-моторного чувства однако требуется не только логикою, но и математикою. Именно известные парадоксы Зенона, выдвинули требование коренной реформы античной математики. Однако эта реформа математики стала осуществляться только с трудами Декарта, Ньютона, Лейбница. Декарт создал новое понятие субстанции, поняв ее как то, что делает вещь — таковою. Так сущностью, субстанциею духа является у него мышление, а сущностью материи — протяженность. И эта протяженность с точки зрения новой математики, где точка есть не конец, а начало линии, — есть пространство - сила. Так упраздняется понятие атома, как основы материи, и атомизм в материализме сменяется динамизмом, точно так же, как сменился в свое время гилозоизм — атомизмом. Вместе с этим материализм, который был уже у Демокрита — системою рационализма, достигает новой, высшей формы рационализма. Ибо последний чувственный элемент в виде дат осязательно-моторного чувства — упразднен динамизмом в самом своем основании. Понятие математического естествознания, с обоснованием своим через посредство принципа непрерывности — достигает своего идеального значения. Однако еще одна кардинальная проблема стоит перед материализмом. Это — проблема духа. Что такое дух, и какое положение занимает он в системе материализма? Каково отношение его к материи? Во-первых материализм может рассматривать самый дух или как особого рода материю, или же как свойство материи. Таков первый вид материализма, именно гилозоизм. Но мы уже говорили, что величайшею заслугою атомистического вида материализма — было освобождение материи от жизни: математическое или точное естествознание может мыслить материю только и исключительно как мертвую. Но тогда объяснение жизни должно мыслиться в духе принципа причин-

ности. Жизнь, сознание есть только действие, результат деятельности мозга, т. е. материи. Функциональная зависимость сознания от мозга есть причинная зависимость, и новейшее естествознание пошло по направлению не качественного, но чисто количественного понимания принципа причинности. Явление А есть независимая функция явления В, а явление В — зависимая производная функция А. И А полностью преобразуется в В. Но в таком случае материя может переходить в дух, сознание т. е. нечто чистое — им-материальное и след. может перестать быть материей. Что же станется тогда с принципом сохранения материи, сохранения силы? Выдвинутое еще древними положение, что ничто не может превратиться в ничто, это положение, эта аксиома — подрывается тогда в самом своем основании. Вместе с этим рушится тогда и все здание математического естествознания. Таким образом материализм только утверждает, что он стоит на страже достояния математического естествознания; на самом же деле он сам же подрывает его основы, несмотря на то, что базирует всецело на его данных. Гордясь своею научностью, материализм не только подрывает науку, но и сам апеллирует к вере: ибо как же можно понять иначе признание Плеханова, что материалисты „только утверждают, что помимо субстанции, обладающей протяжением, нет никакой другой, мыслящей субстанции, и что, подобно движению сознание есть функции материи“.

Итак, переход от материи к духу, к сознанию, невозможен для материализма. Поэтому поводу Лотце в своем „Микрокосме“ говорит: „Как бы далеко не следили мы в нерве проникшее в него чувственное раздражение, сколько бы разнообразных изменений ни придавали его форме, и какие бы ни изобретали для него утонченные движения, — никогда мы не будем в силах показать, что в свойстве порожденного таким образом движения само собою лежит то чтоб ему прекратиться как движению, и возродиться в виде яркого блеска, в виде тона, в виде сладкого вкуса и т. д. Скачек между последним, доступным для нас состоя-